

Курт Воннегут

СЬЮЗЕН
МАККОННЕЛЛ

ПОЖАЛЕЙТЕ
ЧИТАТЕЛЯ

КАК ПИСАТЬ
ХОРОШО

Курт Воннегут

**Пожалейте читателя.
Как писать хорошо**

«Альпина Диджитал»

2019

Воннегут К.

Пожалейте читателя. Как писать хорошо / К. Воннегут —
«Альпина Диджитал», 2019

ISBN 978-5-96-146109-1

Книга «Пожалейте читателя» – сборник советов Курта Воннегута начинающим писателям, его размышления о писательстве как ремесле и искусстве. А еще это биография мастера американской литературы, подготовленная после смерти Курта Воннегута писательницей Сюзен Макконнелл, его бывшей студенткой, которая много лет с ним дружила. Остроумные и язвительные рекомендации Воннегута, взятые из его романов, эссе, лекций, статей, интервью и писем, с подробными комментариями Сюзен Макконнелл вдохновят каждого, кто выбрал писательский путь. Они помогут понять, о чем и для кого писать, где отыскивать истории и как не пропасть в омуте творческого ступора и страха. «Пожалейте читателя» – полезное руководство для начинающих авторов и отличный подарок всем поклонникам творчества Курта Воннегута.

ISBN 978-5-96-146109-1

© Воннегут К., 2019
© Альпина Диджитал, 2019

Содержание

Как писать хорошим стилем[1]	7
Введение	10
Глава 1	19
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Курт Воннегут, Сьюзен Макконнелл

Пожалейте читателя. Как писать хорошо

Переводчик *Алексей Капанадзе*

Редактор *Ксения Герцен*

Главный редактор *С. Турко*

Руководитель проекта *Л. Разживайкина*

Корректоры *А. Кондратова, Е. Аксёнова*

Компьютерная верстка *А. Абрамов*

Арт-директор *Ю. Буга*

Иллюстрация на обложке *And so he went, Morley Safer, silkscreen (courtesy of Jane Safer)*

Дизайн обложки *Stewart Cauley*

© 2019, The Trust u/w of Kurt Vonnegut Jr.

© Originally published by Seven Stories Press, Inc. New York, U.S.A

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина Паблишер», 2021

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Как писать хорошим стилем¹

КУРТ ВОННЕГУТ

Компания International Paper попросила Курта Воннегута, автора «Бойни номер пять», «Рецидивиста», «Колыбели для кошки» и других романов, рассказать, как вкладывать свой стиль и черты своей личности во всё, что вы пишете.

Газетные репортеры и писатели-технари обучены составлять тексты так, чтобы не оставлять там ничего от их собственного «я». Это делает их белыми воронами мира писателей, поскольку все остальные чернильные души этого мира готовы многое поведать читателю о себе. Такие откровения, случайные и намеренные, мы зовем элементами художественного стиля.

Эти откровения рассказывают нам, с каким человеком мы проводим время. Невежда наш автор или мудрец, нормальный он или давно свихнулся, глуп или умен, честен или лжив, весел или траурно-серьезен...

Зачем вообще думать о своем писательском стиле, пытаясь как-то его улучшить? Тем самым вы проявляете уважение к читателю – вне зависимости от того, что вы пишете. Если вы нацарапаете свои мысли как бог на душу положит, читателю наверняка покажется, что вам на него плевать. И он сочтет вас маниакальным эгоистом или законченным болваном – или, хуже того, он вообще бросит вас читать.

Самое порочное качество, что вы только можете явить читателю, есть непонимание, что интересно, а что нет. Читатель часто решает, нравится ему писатель или нет, по тому, что писатель решает показать или о чем заставить задуматься. Разве вы станете читать пустоголового писаку только за цветистость его языка? Нет.

Очевидно, что ваш роскошный художественный стиль начинается с интересной идеи в вашей голове.

1. Найдите тему, которая вам небезразлична

Найдите тему, которая небезразлична вам и которая, по вашим ощущениям, будет небезразлична и остальным. Только неподдельный интерес, а не ваши игры с языком, может стать самым важным и привлекательным элементом вашего стиля.

Я, кстати, не призываю вас писать роман, хотя я не был бы против его прочесть, если вы действительно увлечены тем, о чем пишете. Вполне достаточно петиции мэру насчет дорожной ямы перед вашим домом или любовного письма соседской девушке.

---

¹ Перевод статьи Курта Воннегута «How to write with style», оригинал которой приведен на форзаце этого издания. Статья была впоследствии перепечатана (с небольшими изменениями, в основном сводящимися к восстановлению фрагментов, когда-то вычеркнутых редакторами газеты) в сборнике Воннегута «Вербное воскресенье», который здесь и далее цитируется в переводе А. Аракелова. (Текст статьи дается с использованием этого перевода.) Здесь и далее в используемые нами переводы при необходимости вносятся изменения, уточнения и дополнения. Учитываются современные нормы правописания. Транслитерация имен, географических названий и т. п. приведена к общепринятому современному виду. Унифицированы имена и фамилии персонажей, в разных переводах транслитерируемые по-разному (например, Кэмпбелл, О'Хэйр). Цитаты при необходимости даются в более полном виде, чем у Сьюзен Макконнелл. Отсылки к другим главам книги «Пожалейте читателя» сопровождаются пометками типа «см. главу 19 книги С. М.», чтобы не возникало путаницы с книгами самого Воннегута. (Здесь и далее подстр. прим. – пер. Авторские ссылки на источники даются в виде цифр в квадратных скобках. Сами источники указаны в разделе «Примечания».)

2. Но избегайте многословия

Я не стану многословно распространяться об этом.

3. Пишите просто

Что касается языка: помните, у двух величайших художников английского языка, Уильяма Шекспира и Джеймса Джойса, слова, произнесенные персонажами в минуты переживания самых возвышенных чувств, звучат почти по-детски. «Быть или не быть?» – спрашивает шекспировский Гамлет. Самое длинное слово – четыре буквы. Джойс мог влегкую нанизать фразу хитросплетенную и сверкающую, как ожерелье Клеопатры, но моя любимая его фраза звучит в рассказе «Эвелина»: «Она устала». В этой точке рассказа ничто не может тронуть читателя сильнее, чем эти два слова.

Простота языка не просто ценится, иногда она священна. Библия открывается словами, которые мог написать смысленный подросток: «В начале сотворил Господь небо и землю».

4. Имейте смелость вымарывать лишнее

Не исключено, что и вы способны создавать сверкающие ожерелья для Клеопатры. Но изящество вашего языка должно быть слугой идей в вашей голове. Общее правило следующее: если фраза, пусть и очень удачная, не представляет тему в новом, интересном свете – вычеркиваем. Это же правило можно применить к художественной прозе: избегайте в тексте фраз, которые не характеризуют персонажа и не продвигают действие вперед.

5. Говорите собственным голосом

Ваш самый естественный стиль письма обязательно будет отражать манеру речи, которую вы усвоили ребенком. Английский был третьим языком романиста Джозефа Конрада, и большая часть пикантности в его английском происходит, без сомнения, из его первого языка, польского. К счастью для него, писатель рос в Ирландии, а тамошний английский очень приятен, музыкален на слух. Сам я рос в Индианаполисе, столице штата Индиана, где обычная речь звучит словно жестянка, разрезаемая ленточной пилой, а языковой словарь так же богато изукрашен, как разводной ключ.

В некоторых дальних уголках Аппалачских гор дети до сих пор растут под песни и выражения времен королевы Елизаветы. Многие американцы растут в окружении других языков – неанглийского или такого английского, которого не поймет большинство американцев.

Все эти разновидности речи прекрасны, как прекрасны все разновидности бабочек. Каким бы ни был ваш первый язык, его нужно холить и лелеять. И если он отличается от общепринятого английского, просвечивает, когда вы пишете на «усредненном» английском, результат, как правило, замечательный. Как прекрасная девушка, у которой один глаз голубой, а другой зеленый.

Я заметил, что читатели, в том числе я сам, больше доверяют моим текстам, если я предстаю в них уроженцем Индианаполиса, то есть самим собой. А какой у меня выбор? Есть вариант, который яростно пропагандируют преподаватели и к которому, я уверен, пытались склонить и вас: писать как утонченный англичанин прошлого или позапрошлого века.

6. Говорите то, что хотите сказать

С некоторых пор меня перестали раздражать такие наставники. Теперь я понимаю, что все эти антикварные этюды и рассказы, на которые я должен был ориентироваться, были великолепны не своей ветхостью и экзотикой заграницы. Просто в них текст передавал именно то, что автор хотел сказать. Мои учителя пытались научить меня писать точно, всегда подбирать самые действенные слова и связывать их друг с другом жестко, прочно, как детали механизма. Мои учителя не желали превратить меня в англичанина. Они надеялись, что я буду понятен – а следовательно, понят.

Так и пришел конец моей мечте играть со словами, как Пабло Пикассо с красками или как мои джазовые кумиры – со звуками. Если я нарушу все правила пунктуации, назначу словам новые значения по своей прихоти и нанижу их вперемешку, я просто не буду понят. Так что вам я тоже не советую писать в стиле Пикассо или в джазовой манере, если вам, конечно, есть что сказать и вы желаете быть понятыми.

Читатели хотят, чтобы наши страницы были похожи на страницы, которые они видели раньше. Почему? Да потому что перед ними и так стоит трудная задача и от нас им требуется вся возможная помощь.

7. Пожалейте читателей

Им придется опознать тысячи маленьких значков на бумаге и немедленно извлечь из них смысл. Им предстоит *читать*, а это искусство столь сложное, что большинство людей не в состоянии его полностью освоить на протяжении средней и старшей школы – двенадцати долгих лет.

Итог этой дискуссии – в том, что писательский выбор стиля невелик и не роскошен, поскольку наши читатели, конечно, не очень совершенны как художники. Аудитория вынуждает нас быть внимательными и терпеливыми учителями, всегда готовыми упрощать и разъяснять – хотя мы с радостью взмыли бы над толпой и разразились бы соловьиными трелями.

Это была плохая новость. Хорошая состоит в том, что американское государство основано на единственной в своем роде Конституции, которая позволяет нам писать что угодно и не бояться наказания. Так что самый ключевой аспект нашей стилистики, а именно выбор темы для творчества, неисчерпаем.

8. Если вам нужны более подробные рекомендации...

Что же касается дискуссии о литературной стилистике в более узком смысле, я рекомендую вам книгу «Элементы стиля» Уильяма Странка-младшего и Э. Б. Уайта (William Strunk, Jr., E.V. White, *The Elements of Style*, Macmillan, 1979). Э.Б. Уайт, бесспорно, является одним из значительнейших литературных стилистов нашей страны.

Но, замечу я, никого бы не заинтересовали замечательные способности мистера Уайта к выражению своих мыслей, если бы не великолепные мысли, которые он выражал.

Введение

Вот вам опять, милости просим, – доподлинные события и мнения, собранные вместе, чтобы явилось на свет этакое здоровенное и нелепое животное, выдуманное прекрасным писателем и иллюстратором детских книжек Доктором Сьюзом, – наподобие всех этих субликов, зебрадилов, пантуаров, а если хотите, вроде тигведа.

КУРТ ВОННЕГУТ, «СУДЬБЫ ХУЖЕ СМЕРТИ»²

В конце 1960-х я училась у Курта Воннегута-младшего³ в Писательской мастерской Айовского университета⁴, и с тех пор мы оставались друзьями – до самой его смерти. Я почерпнула столько мудрости от него – писателя, преподавателя, просто человека. Эта книга задумывалась как своего рода история о советах, которые Воннегут давал *всем* писателям, преподавателям, читателям – и всем остальным.

~

Воннегут еще не был знаменит, когда он начинал преподавать в айовской Писательской мастерской. К тому времени ему было сорок два, он выпустил четыре романа и работал над «Бойней номер пять».

Когда я его впервые увидела (а я тогда еще не знала, кто он такой), он сумел меня рассмешить. Вместе с другими писателями, которым предстояло нас учить, он стоял перед собравшимися в одной из лекционных аудиторий. Он был высокий, сутулый (человек в форме банана, как он сам себя однажды описал), курил сигарету, вставленную в длинный черный мундштук, слегка откинув голову назад и выпуская дым, явно осознавая всю нелепость и аффектированность этого занятия. Иными словами, он намеренно *принял позу* (Оскар Уайльд вообще считал, что это наша главная обязанность в жизни).

Как я позже узнала, при помощи мундштука он всерьез пытался как-то ослабить пагубное воздействие курения.

Учебная программа Айовского университета, по окончании которой присуждалась степень MFA (Master of Fine Arts – магистра изящных искусств), занимала два года – достаточно большой срок, чтобы студенты постепенно притягивались, словно под действием осмотических сил, к тем преподавателям, с которыми ощущали сродство. Ко второму году учебы по этой программе я проторила дорожку в мастерскую Воннегута.

Заодно я прочла «Колыбель для кошки» и «Мать Тьму» – две его самые свежие на тот момент книги. Так что я знакомилась с ним как с писателем – через эти романы – в то же самое время, когда узнавала его как преподавателя и человека.

В течение своего первого года учебы я жила по соседству с семейством Воннегутов, в населенном аспирантами месте под названием «Газосветная деревня Блэка»⁵. Потом эта гео-

---

² Здесь и далее книга Воннегута «Судьбы хуже смерти (Биографический коллаж)» цитируется в переводе А. Зверева.

³ Курт Воннегут-старший (1884–1957) – отец писателя, американский архитектор, преподаватель архитектуры, предприниматель.

⁴ Пусть название «Айовский университет» не смущает читателя своей мнимой провинциальностью. Среди выпускников его Писательской мастерской (в «Бойне номер пять» в переводе Р. Райт-Ковалевой она называется творческим семинаром) – Джон Чивер, Филип Рот, Майкл Каннингем, Фланнери О'Коннор, Уильям Снодграсс и многие другие знаменитые американские прозаики и поэты, в их числе – 17 лауреатов Пулитцеровской премии.

⁵ Архитектурно-парковый комплекс в Айова-Сити, основанный в 1950-х гг. филантропом Генри Блэком как «прибежище для писателей и художников».

графическая смежность получила развитие: я навещала Курта в Барнстейбле⁶, виделась с ним в Мичигане (именно там он тогда читал лекции, а я начала преподавать), перебралась в Нью-Йорк примерно в то же время, что и он, а последние тридцать пять лет провожу летние месяцы в часе езды от того места на мысе Код, где он прожил два десятилетия. Время от времени мы с Куртом вместе сидели за ланчем, обменивались письмами, говорили друг с другом по телефону, случайно встречались на мероприятиях. На свадьбу он прислал мне в подарок чудесную вазу из выдувного стекла. В общем, мы с ним всегда поддерживали контакт.

~

Вероятно, вы тоже познакомились с Воннегутом, прочитав его книги, которые вам задавали в старших классах школы или в колледже или которые вы читали по собственной инициативе (тут многое зависит от вашего возраста). Если вам знакома «Бойня номер пять», самая знаменитая его вещь, то вы знаете и о том, какой именно опыт побудил его написать эту книгу, поскольку он сообщает об этом в первой же главе: во время Второй мировой его (двадцатилетнего американца немецкого происхождения)⁷ захватили в плен немцы и доставили в Дрезден, тот самый город, который затем разбомбили зажигательными бомбами британские и американские войска. Он и его собратья-узники, отправленные в помещения подземной бойни⁸, выжили, чего нельзя сказать о большинстве других людей, животных и растений, обитавших в тогдашнем Дрездене.

Это событие наряду с другими стало топливом для его творчества и сформировало его взгляды. (Впрочем, вопреки расхожему мнению, оно не явилось для него первым творческим импульсом. Еще до того, как пойти на армейскую службу, он уже двигался к писательству.) Я намерена провести вас сквозь лабиринт его советов, подобно некоему режиссеру-кукловоду: приводя эпизоды его биографии, когда они способны пролить свет на то, как он приобрел мудрость, которой с нами делится; уточняя (по возможности), из какого момента или периода его жизни (начало писательского пути, становление, творческая зрелость) берет начало та или иная рекомендация; рассказывая о подходящих случаях из его жизни – и из моей собственной (когда это уместно).

~

Меня попросили написать эту книгу в Фонде Воннегута. Собственно, предполагалось, что ею займется Дэн Уэйкфилд⁹. Но он был слишком утомлен после составления двух других книг воннегутовских текстов – «Писем», комментированного собрания избранных посланий К. В., и «Здорово, правда?», антологии воннегутовских речей. Кроме того, его тянуло вернуться к собственной прозе. Вот он и позвонил мне. И очень настойчиво заявил: «Ты идеальный автор для этой книги. Ты преподаешь писательское мастерство, ты сама пишешь прозу, ты у него училась, ты его знала лично. Замечательное сочетание. Всё сходится».

Предполагалось, что примерно 60 % текста составят слова Курта Воннегута. А все прочее целиком лежало на мне – в том числе и композиция книги.

Дэн уверял: чтобы продемонстрировать свой писательский стиль и показать, что я в состоянии справиться с этой задачей, мне надо просто написать заявку (в виде предисловия к предполагаемой книге) и вместе с составленными мною краткими биографиями Воннегута,

---

⁶ Городок в штате Массачусетс, где долгое время жил Воннегут.

⁷ И «пехотинца (нестройной службы)». (Здесь и далее «Бойня номер пять» цитируется в переводе Р. Райт-Ковалевой.)

⁸ Туда их запирали на ночь.

⁹ Дэн Уэйкфилд (р. 1932), американский романист, сценарист, журналист. Одноклассник и давний друг Воннегута.

которые когда-то напечатали *Brooklyn Rail* и *Writer's Digest*, отправить ее Дону Фарберу, руководителю Фонда Воннегута, другу и адвокату К. В., а также Артуру Клебанову, главе электронного издательства RosettaBooks. Обо мне Дэн, по его словам, им уже рассказал.

Месяц спустя, когда я была волонтером на Бруклинской книжной ярмарке за столиком Мемориальной библиотеки Курта Воннегута, Джулия Уайтхед, директор библиотеки, познакомила меня с Дэном Саймоном, основателем издательства Seven Stories Press: в свое время он опубликовал две последние книги Воннегута, да и вообще хорошо его знал. Я объяснила ему суть проекта. Саймон прошептал: «Я бы с радостью выпустил эту книгу». В результате появился новый контракт – между Фондом Воннегута, RosettaBooks, Seven Stories Press и вашей покорной слугой. Вуаля. Так что, в какой бы форме вы ни читали этот текст, знайте: эта форма учтена в нашем контракте.

~

Уилфрид Шид¹⁰ писал о Воннегута: «Его не загонишь в рамки какого-нибудь “изма”, даже самого хорошего», отмечая, что он предпочитал «опираться на интуицию, когда дело касалось его политических взглядов – даже его пацифизма»¹¹. Воннегут всегда склонен был видеть другую сторону медали, всевозможные неоднозначности, двусмысленности и противоречия.

Ведь, как ни крути, его некогда захватил в плен и принудил работать (таскать и перевозить трупы) вражеский режим, погрязший в идолопоклонстве перед тираном, прогневивший из-за стремления людей к легким авторитарным решениям.

К. В. оценил бы палиндром швейцарского художника Андре Томкинса: «DOGMA I AM GOD»¹²¹³.

Что до меня, мне хотелось бы по возможности погасить мой личный и читательский порыв относиться к рекомендациям Курта Воннегута как к догме. Я надеюсь добиться этого разными способами – в частности, взяв на вооружение понятие «Протемнения»¹⁴.

Эта концепция позаимствована мною из «Глубокой простоты» Уилла Шутца, вышедшей в 1979 г. Если верить обложке, это «книга, придающая смысл всему Движению за развитие человеческого потенциала». Шутц, ведущий психиатр этого движения, почти сразу же гордо перечисляет свои «регалии», утверждая, что изучил все пути расширения сознания, души и возможностей тела, какие предлагает движение. Кроме того, он провел бесчисленное множество семинаров в Институте Эсален¹⁵. Книга у него получилась лаконичная, практичная и по-настоящему полезная (в настоящее время ее, правда, приобрести нельзя: все предыдущие тиражи раскуплены, а новые не печатаются). Однако за прошедшие с ее выхода тридцать лет мне сильнее всего врезалась в память последняя глава – «Протемнение». Начинается она так: «Иногда мое упорное стремление к росту делается предметом веселого изумления со стороны той моей части, которая постоянно наблюдает за мной». Порой он уставал от этого стремления – и принимался бунтовать.

---

¹⁰ Уилфрид Шид (1930–2011), американский романист и эссеист британского происхождения.

¹¹ Wilfred Sheed, “The Now Generation Knew Him When,” in *Conversations with Kurt Vonnegut*, ed. William Rodney Allen (Jackson: University Press of Mississippi, 1988), 13.

¹² Догма: я – бог (англ.).

¹³ [Источник не указан.]

¹⁴ Endarkenment – в противовес Enlightenment (Просвещению). Иногда переводится как «оглупление», «дебилизация».

¹⁵ Институт Эсален – поселение-коммуна в Биг-Суре (штат Калифорния). Основано в 1962 г., названо в честь индейского племени, некогда жившего на этой территории. Площадь – около 50 га. Расположено в малонаселенной местности, что наряду с запретом на радио, телевидение, газеты и другие способы связи с «большим миром» позволяет обитателям «оторваться от современного общества» и «ощущать единение с природой».

Так он и придумал психологическую мастерскую под названием «Протемнение». Ее участников побуждали всячески отклоняться от праведного пути, проявлять поверхностность и упиваться невзгодами, которые они сами же на себя навлекли. Они пили как лошади, курили как паровозы, набивали брюхо дрянным фастфудом и винили в своих проблемах не себя, а всех остальных – начиная с других участников мастерской и кончая всемогущим Господом. На обучающих занятиях каждый рассказывал о своей худшей черте и объяснял, как другие могли бы приобрести ее. Один из участников заявил, что он никогда ничего не доводит до конца. Он пообещал, что непременно научит этому всю группу – в ближайшую среду. Но, когда пришла среда, оказалось, что он уже перестал ходить на занятия мастерской.

Результаты обучения в мастерской «Протемнения» ошеломляли. Эти занятия не уступали по эффективности обычным психологическим мастерским в том, что касается осознания «человеческой комедии», в которой играем мы все, и того, что участники сами выбирали, как им поступать, а значит, могли сделать и иной выбор.

Я решила использовать термин «Протемнение» как своего рода руководящий принцип. Когда возникают альтернативы, иронические вариации, предупреждения, касающиеся советов или идей, которые уже были высказаны (или противоречащие высказанным советам и идеям), имейте в виду: тут действует концепция «Протемнения». (Изначально такие места выделялись жирным шрифтом, но этот нюанс куда-то канул в процессе редактирования.) Этот термин и эта методика, надеюсь, дадут толчок развитию представлений о том, что истина (не путать с фактом) может быть многогранной и что Воннегут был человеком, а не богом-догмой¹⁶.

~

Сразу же после того, как мне предложили заняться этим проектом, Джулия Уайтхед, основательница Мемориальной библиотеки Воннегута, вывела меня на художника Тима Юда, который тогда как раз проводил перформанс в библиотеке. В чем состоит его художественный эксперимент? Художник заново печатает романы на такой же пишущей машинке, что и писатель, в том же месте, где тот работал (или там, где происходит действие романа). Он печатает весь роман, снова и снова заправляя в машинку одну и ту же страницу (подложив еще один лист – для мягкости), одновременно читая набираемый роман вслух, «бормоча себе под нос», – чтобы не потерять строчку и сохранять вовлеченность в текст. Страница рвется. Он заклеивает ее белой лентой и продолжает работу. Эти случайные пробоины и разрывы создают осязаемое произведение искусства. В конце он отделяет верхний лист от нижнего и помещает каждый в рамку.

В Мемориальной библиотеке Курта Воннегута художник Тим Юд за неделю напечатал таким способом «Завтрак для чемпионов», а затем – «Фарс, или Долой одиночество». Он использовал электрическую пишущую машинку Smith Corona Coronamatic 2200.

«Этот опыт погружения, занявший целых две недели, без перерывов, позволил мне оценить гениальность Воннегута. И особенно – его мрачность», – заметил Юд.

Одна из задач Юда – сосредоточить внимание людей на трудах писателя: «Мы достигли момента, когда нас больше интересует изучение рукописей Керуака, чем собственно чтение Керуака. То же самое и с домом Хемингуэя в Ки-Уэсте». Такой фетишизм по отношению к знаменитым писателям возникает, по предположению Юда, из-за того, что «действительно читать книги – почти неподъемная работа».

Выпускается – и очень неплохо продается – всевозможная сувенирная продукция, связанная с именем Воннегута: кружки, поздравительные открытки, закладки, карточки для заме-

---

¹⁶ См. потрясающую статью Марго Рабб «Поверженные идолы»: Margo Rabb, "Fallen Idols", *The New York Times Book Review*, July 25, 2013.

ток, коврики для мыши, футболки. В деловом центре Индианаполиса на одной из стен есть его изображение в виде фрески¹⁷. Его фразы становятся названиями кафе, баров, музыкальных групп. Люди делают себе татуировки с цитатами из его текстов.

Воздают ли все эти штуки ему честь или, напротив, оскверняют его имя? Служат ли они своего рода талисманами или это просто китч? Ответы на эти вопросы может дать лишь Бог да те, кто все это делает и покупает.

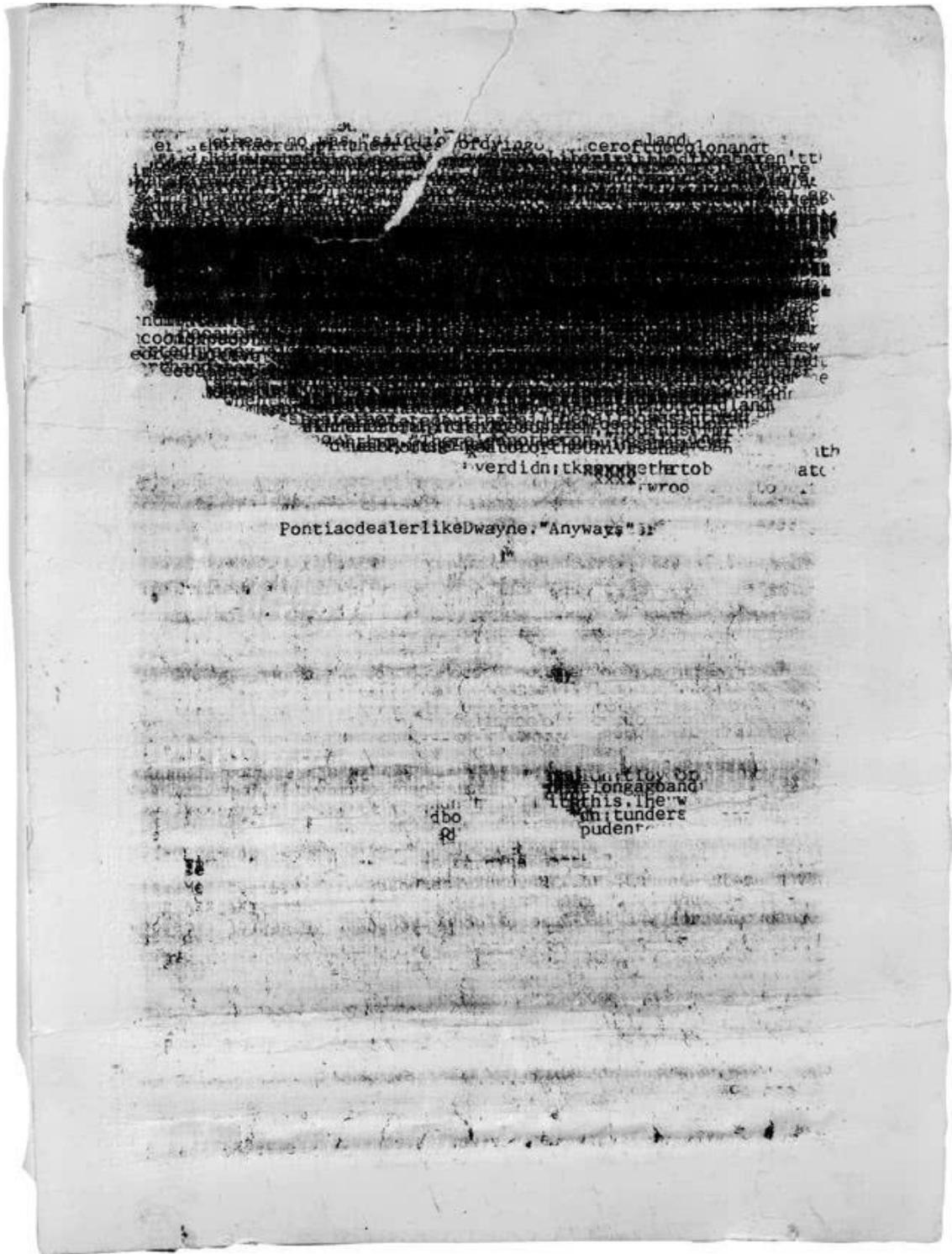
~

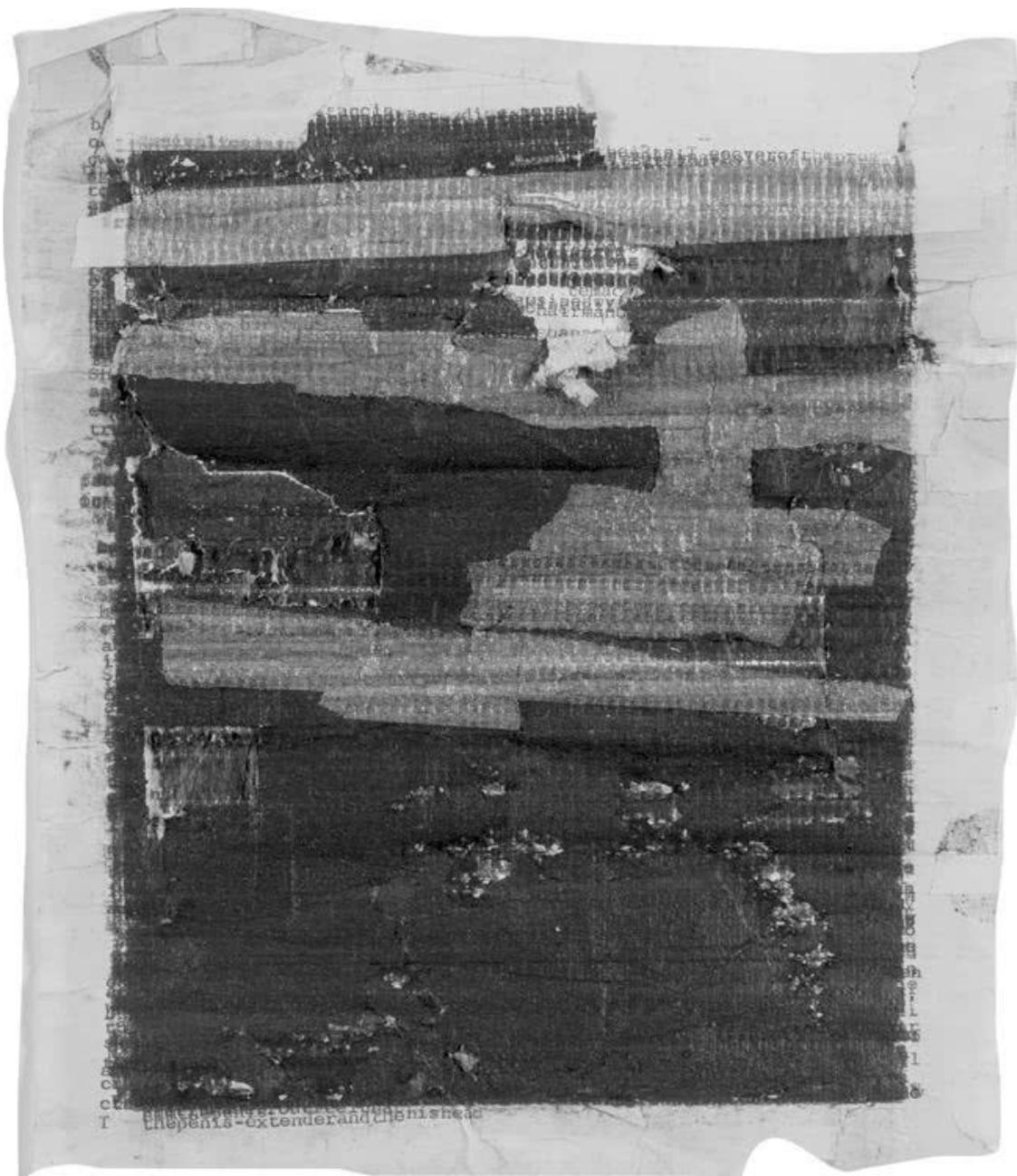
Тим Юд признаёт, что и его собственные перформансы могут вносить вклад в развитие такого фетишизма. Боюсь, я тоже не обойдусь без такого вклада, потому что постоянно вырываю из контекста замечательные слова Воннегута. Для того чтобы они соответствовали задачам этой книги, я перетасовывала, подрезала, переворачивала, поджимала их, втискивая в нужные мне формы.

Тут как с цитатами из Воннегута, которые часто появляются в интернете. Они вырваны из контекста (как вообще все цитаты из кого бы то ни было) и порой вводят в заблуждение. К примеру, его правила написания рассказа, перечисленные в сборнике рассказов «Табакерка из Багомбо», не предназначены для того, чтобы писать по ним роман. Однако их то и дело приводят как рекомендации для сочинителей какой бы то ни было художественной прозы.

---

¹⁷ В Индианаполисе Воннегут родился.

Тим Юд. «Завтрак для чемпионов» Курта Воннегута» (2013). Бумага, краска для пишущих машин. Текст объемом 303 страницы напечатан на машинке Smith Corona Coronamatic 2200. Музей и мемориальная библиотека Курта Воннегута, Индианаполис (штат Индиана), сентябрь 2013 г.

Вообще-то, «Пожалейте читателя» можно читать, не имея никакого представления о прозе Воннегута. Но его слова, приведенные на этих страницах, принадлежат в первую очередь своему истинному жилищу, где они некогда и появились на свет.

~

Когда в 1950-х гг. Дэн Уэйкфилд выпускал свой первый роман-бестселлер (тогда, конечно, еще никто не знал, что он станет бестселлером), издатель, публиковавший также и Воннегута, предложил последнему стать редактором Уэйкфилда. По словам Дэна, эта редак-

торская работа «свелась к двухстраничному письму, адресованному мне и содержащему семь рекомендаций по улучшению моего романа. Я внес четыре изменения из предложенных семи, и благодаря этому мой роман действительно стал лучше. Но важнее всего стал его совет: не следовать никаким его предложениям “лишь потому, что это предложил я”. Он подчеркивал, что применять надо только те, которые мне “созвучны”. Он настаивал, чтобы я не писал и не менял ничего лишь из-за того, что он (или еще какой-то редактор или писатель) предложил это, – разве что эти предложения соответствуют моим собственным намерениям касательно этой книги, моим собственным представлениям о той, какой она должна быть». Уэйкфилд добавляет, что это стало для него «одним из ценнейших уроков редакторского мастерства».

~

Вспоминая сегодня задания, которые Воннегут давал нам в Писательской мастерской, я понимаю: они были нацелены не столько на то, чтобы обучить нас писательскому ремеслу, сколько на то, чтобы научить нас самостоятельно мыслить, открывать, кто мы такие, что любим, чего терпеть не можем, что служит детонатором наших внутренних бомб, обо что спотыкаются наши сердца.

И я питаю амбициозную надежду, что слова Воннегута, приведенные в этой книге, окажут такое же воздействие на читателей.

~

«Сядь писать, я чувствую себя словно безрукий и безногий инвалид с карандашом, зажатым во рту», – как-то раз заметил Курт Воннегут¹⁸.

Это совет? Для меня – да. Он как бы говорит: ты это можешь. Каждый писатель чувствует себя неспособным к писательству. Даже сам Курт Воннегут. Просто не слезай с рабочего кресла и упорно продолжай бить по клавишам.

Но это еще не всё. В приведенном высказывании есть ярко выраженная и по-своему уникальная воннегутовость: оно возмутительно комично и требует от нас взглянуть на дело по-особому. Ведь мне повезло – я не безрукая и не безногая, и у меня есть не только карандаш, но и многое другое. Да и с большинством из вас такая же история, верно?

Так что это можно считать хорошей рекомендацией для учителей, разочаровавшихся в учительстве, для читателей, которые не понимают сложный текст, да и вообще для всех, кто берется за что-то и чувствует, что дело ему не по плечу. Ну и что, ведь то же самое можно сказать, по сути, обо всех нас. Вперед, не останавливайтесь! Веселей! Хорошенько посмейтесь! Ничего-ничего, никому из нас не по плечу его дело!

~

Топливом, питавшим писательскую энергию Воннегута, были гуманитарные проблемы, которые он хотел явить вниманию других. Нам, его ученикам, повезло. Но самая обширная и самая важная аудитория его учеников – его читатели.

Преподавая в Писательской мастерской, Воннегут проявлял немалую страстность; иной раз у него случались приступы горячего негодования, а порой он заходился хриплым хохотом. Он был тактичен, проницателен, остроумен, хорошо умел развлекать. Иными словами, вел себя

---

¹⁸ “Kurt Vonnegut: In His Own Words,” *London Times*, April 12, 2007, <https://www.thetimes.co.uk/article/kurt-vonnegut-in-his-own-words-mccc7v0g8cg>.”

как автор своих книг. Иногда он принимал защитные позы, но все равно в большей мере *был собой* – всё тем же веселым чудаком из Индианы, искренним, всегда ищущим правду, всегда называющим вещи своими именами, – и когда он говорил, и когда он писал.

Курт Воннегут всегда учил. И всегда учился. И всегда передавал другим то, чему научился сам.

Я задавала рассказы, романы и эссе Воннегута всем своим студентам, а это были очень разные люди. Его работы не укладываются в четкие рамки возраста, этнической принадлежности, времени. «Колыбель для кошки» вдохновила меня на два задания, которые, на мой взгляд, оказались в числе лучших и едва ли не самыми оживленными и эффективными занятиями из тех, что я когда-либо проводила: одно – в рамках курса введения в литературу, в конце 1960-х, в местном колледже «Дельта»¹⁹, а другое – в рамках курса «Литература 1960-х годов», в 2001-м, вскоре после 11 сентября, в колледже Хантера²⁰. Эти занятия разделяло три десятка лет.

Надеюсь, и с вами мы будем заниматься «подслушиванием увлекательных разговоров» (как говорил Воннегут, рассуждая об удовольствии от чтения рассказов) – разговоров, которые он вел со своими читателями.

Невольно вспоминается обычный зачин письма к неизвестному, но ответственному и (как мы надеемся) отзывчивому адресату: «Тем, кого это может касаться». Кому-то эта фраза может показаться формальной и отстраненной, ведь обычно она используется именно в качестве некоей привычной и отстраненной формальности. Но я прошу вас воспринять ее буквально. Здесь она призвана служить теплым приветствием, чем-то вроде «Добро пожаловать»: **ВСЕМ, КОГО ЭТО МОЖЕТ КАСАТЬСЯ.**

---

¹⁹ Местные (общинные) колледжи в США готовят специалистов средней квалификации для работы «на местах». Образование в них, как правило, двухгодичное. Колледжи «Дельта» есть, в частности, в штатах Мичиган и Луизиана.

²⁰ Колледж Хантера (Хантерский колледж) – один из колледжей Городского университета Нью-Йорка.

Глава 1

Совет для каждого, кто что-нибудь пишет

Когда я преподаю – а я пару лет вел писательский семинар в Айове, в Гарвардском Сити-колледже, – я не ищу людей, которые хотят стать писателями. Я ищу людей страстных, которых что-то в жизни жутко беспокоит.

КУРТ ВОННЕГУТ, «ПОЖАТЬ РУКУ БОГУ»²¹

В 1980 г. International Paper Company выступила спонсором целой серии советов, печатавшейся в *The New York Times*. Каждую публикацию объемом две страницы готовил какой-нибудь известный эксперт. В каждом таком эссе основные тезисы набирались жирным шрифтом как подзаголовки, а ниже шли иллюстрации и разъяснения. Среди этих материалов – «Как произнести речь» Джорджа Плимптона, «Как написать резюме» Джерролда Саймона из Гарвардской школы бизнеса, «Как получать удовольствие от поэзии» Джеймса Дики²² и другие.

«Учитывая, что я практически завалил химию, механику и антропологию, а также никогда не изучал литературу и композицию, мне предложили написать о художественном стиле», – говорил Курт Воннегут о своем вкладе в этот цикл полезных советов²³.

Я заприметила «Как писать хорошим стилем» Воннегута в *The New York Times*, когда номер только вышел, и после этого каждый семестр раздавала студентам колледжа Хантера, ходившим ко мне на писательский семинар, копии этого текста. Для начала я буду здесь придерживаться именно этого, воннегутовского формата. Эссе дает общие советы, рассчитанные на всех и касающиеся написания чего угодно. В текст входит семь пронумерованных «правил».

После вступления, состоящего из пяти абзацев, Воннегут предлагает свой первый – и самый важный – совет: **«Найдите тему, которая вам небезразлична»**.

Отметьте, *как* он об этом пишет. Он изначально считает, что, поскольку вы – человек, вас что-нибудь да беспокоит. Вам нужно лишь хорошенько порыться на складе, то есть в себе, и отыскать это. Но ниже – разъяснение, и оно сложнее:

Найдите тему, которая небезразлична вам и которая, по вашим ощущениям, будет небезразлична и остальным [курсив мой. – С. М.]. Только неподдельный интерес, а не ваши игры с языком, может стать самым важным и привлекательным элементом вашего стиля.

Я, кстати, не призываю вас писать роман, хотя я не был бы против его прочесть, если вы действительно увлечены тем, о чем пишете. Вполне достаточно петиции мэру насчет дорожной ямы перед вашим домом или любовного письма соседской девушке²⁴.

Приведу историю, которая показывает абсолютную искренность высказывания Воннегута насчет этих сравнительно скромных литературных форм. Рассуждая о своих шести детях в «Вербном воскресенье», он говорит об интересах и художественных склонностях, которые, как ему кажется, они от него унаследовали, – в области столярного мастерства, рисования, музыки, шахмат. В этот период у его сына Марка вышла первая книга, а другую издали с иллю-

---

²¹ Здесь и далее «Пожать руку Богу» цитируется в переводе М. Загота и Т. Рожковой.

²² Джордж Плимптон (1927–2003) – американский писатель, журналист, актер. Джеймс Дики (1923–2007) – американский поэт, романист.

²³ Kurt Vonnegut, *Palm Sunday* (New York: Delacorte Press, 1981), chap. 4.

²⁴ Kurt Vonnegut, “How to Write with Style,” International Paper Company Publicity Handout, May 1980; также выходило в *The New York Times*; перепечатано в *Palm Sunday*.

страциями дочери Эди. Он превозносит и эти достижения, и художественную (и общую) производительность других своих детей, но самой высокой похвалы удостоивается письмо, которое написала совершенно незнакомому человеку другая его дочь:

Что из работ моих детей нравится мне больше всего? Наверное, это письмо, которое написала моя младшая дочь Нанетт. Оно такое *искреннее!* Нанетт написала его «мистеру Х.», раздражительному клиенту ресторана на мысе Код, в котором она работала официанткой летом 1978 г. Клиента так разозлило обслуживание в тот вечер, что он решил высказать свои претензии руководству ресторана в письменном виде. Руководство повесило письмо на доску объявлений на ресторанной кухне. Ответ Нанетт гласил:

Дорогой мистер Х.

Я как начинающая официантка сочла своим долгом ответить на письмо, направленное Вами администрации «АВС-Инн». Ваше письмо причинило ни в чем не повинной девушке больше страданий, чем Ваше неудовольствие от не вовремя поданного супа и слишком рано унесенного с Вашего стола хлеба.

Я верю, что неопытная официантка Вас действительно обслужила неидеально. Я припоминаю, что в тот вечер она была чем-то расстроена и встревожена, но надеялась, что ее ошибки и неловкость будут встречены с пониманием как следствие неопытности. Я и сама совершала ошибки в подобной работе. К счастью, мои клиенты относились к этому с юмором и сочувствием. Я многому научилась на тех ошибках и всего через неделю благодаря помощи и поддержке других официанток и посетителей чувствую себя намного увереннее и редко ошибаюсь.

Я ни секунды не сомневаюсь, что Катарина станет умелой официанткой. Вы должны понимать, что учиться обслуживать столики столь же сложно, сколь учиться жонглировать. Трудно обрести верный ритм и сохранять равновесие, но, нащупав их, закрепляешь эти навыки крепко и навсегда.

Право на ошибку есть даже у работников таких безупречных заведений, как «АВС-Инн». Официантки не роботы. Это живые люди. Вы, возможно, не понимали, что, указав имя девушки, Вы не оставили администрации иного выхода, кроме как уволить ее. Катарина осталась без работы на лето, а впереди ведь школа.

Вы представляете, как нелегко найти работу в это время? Вы знаете, с каким трудом молодежь в наши дни сводит концы с концами? Я считаю своим долгом попросить Вас дважды подумать о том, что в жизни важно, а что нет. Я надеюсь, что, тщательно обдумав мои слова, в будущем Вы постараетесь поступать гуманнее и осторожнее.

Искренне Ваша,

Нанетт Воннегут²⁵

Я сама ощущаю довольно необычное сочувствие, читая письмо Нанетт. Мой первый рассказ, появившийся в печати, написан от лица ресторанной посудомойки, которая сумела отомстить боссу-тирану²⁶. Все время учебы в колледже я проработала официанткой (а позже я узнала, что преподавателям-ассистентам платят примерно столько же). Как остроумно заметила поэтесса Джейн Хершфилд, многие писатели занимались в свое время «работой в общепите»²⁷.

---

²⁵ Vonnegut, *Palm Sunday*, chap. 13.

²⁶ Suzanne McConnell, "The Disposal," *Fiddlehead*, no. 110 (Summer 1976), 99–107.

²⁷ Собственно говоря, я чуть ли не впервые увидела Курта Воннегута в ресторане Steak-Out, в подвале отеля «Джеффер-

В общем, как бы там ни было, письмо Нанетт удовлетворяет главному отцовскому критерию. Ее достаточно волнует тема, чтобы написать об этом письмо, и она полагает, что это должно беспокоить и других, в особенности ее босса («администрацию»), жалобщика, обсуждаемую официантку и, вероятно, других сотрудников ресторана.

Послание Нанетт выдержано в довольно серьезном тоне. Но писать на серьезную тему можно и в игровой манере. Господь свидетель – Курт Воннегут именно так и поступал.

За тридцать один год до этого двадцатипятилетний Курт составил контракт, который предстояло соблюдать ему и его жене Джейн. Они были тогда молодоженами и ожидали первого ребенка.

Итак:

КОНТРАКТ между КУРТОМ ВОННЕГУТОМ-МЛ. и ДЖЕЙН К. ВОННЕГУТ. Вступает в действие с 26 января 1947 г., субботы.

Я, Курт Воннегут-мл., настоящим клянусь неукоснительно следовать нижеперечисленным обязательствам:

I. При условии, что моя жена будет соблюдать достигнутую договоренность и не будет пилить меня, отвлекать меня криками, а также досаждать мне иным образом, я обещаю еженедельно отдраивать полы в ванной и на кухне – в день и час, избираемые мною самостоятельно. Мало того, я обязуюсь проделывать честную и тщательную работу, под каковой она (Джейн К. Воннегут) подразумевает, что я буду залезать *под* ванну, *за* унитаз, *под* раковину, *за* холодильный шкаф, во *все* углы и что я буду подбирать и перемещать на какой-то другой участок все подвижные предметы, которые окажутся на полу в данное время, дабы удалять загрязнения и под ними, а не только вокруг них. Кроме того, в ходе выполнения этих задач я буду воздерживаться от того, чтобы позволять себе такие замечания, как «вот черт», «сучья лапа» и аналогичные бранные выражения, ибо такого рода язык ведет к возникновению нервозности в доме, когда не происходит ничего более серьезного, чем просто нахождение перед лицом Необходимости. *Если же я не сумею соблюсти означенное соглашение*, моя жена имеет полное право пилить меня, отвлекать меня криками, а также досаждать мне иным образом до тех пор, пока все-таки не побудит меня отдраить полы – *вне зависимости от того, насколько я в данный момент занят*.

II. Настоящим клянусь соблюдать нижеследующие незначительные условия, касающиеся повседневного быта:

● я буду вешать одежду и ставить обувь в шкаф всегда, когда я их не ношу;

● я не буду без крайней необходимости приносить в дом грязь на своих подошвах (посредством невытирания ног о коврик у входа и неснимания домашних тапочек при выбрасывании мусора и других аналогичных занятиях);

● я буду выбрасывать такие предметы, как опустевшие спичечные коробки, пачки из-под сигарет, куски картона, которые вставляются в воротнички новых рубашек, и т. п., в мусорное ведро, вместо того чтобы оставлять их валяться на стульях, на креслах и на полу;

сон» в Айова-Сити. В руке я держала блокнотик для записи заказов. К. В. пришел со своей женой Джейн, с Вэнсом и Тинной Бурджейли, с Хосе и Марией Пилар Доносо, а также (по-моему) с Нельсоном Олгреном и его женой. Я далеко не сразу смогла принять заказ: они оживленно, с большим интересом общались между собой. Было начало первого семестра, и все эти писатели и их жены (за исключением четы Бурджейли) никогда прежде не бывали в Айова-Сити. Они только начинали знакомиться друг с другом.

● по завершении бритья я буду убирать свои бритвенные принадлежности обратно в шкафчик для лекарств;

● в случае, если мне доведется стать непосредственной причиной грязного кольца вокруг ванной, возникшего после банных процедур, я с помощью очистителя фирмы Swift и щетки (а не моего полотенца) буду удалять означенное кольцо;

● при условии, что моя жена, следуя достигнутой договоренности, будет собирать грязное белье, помещать его в мешок для грязного белья и оставлять означенный мешок на виду в холле, я обязуюсь относить означенное белье в Прачечную не позднее чем через три дня после того, как означенное белье появилось в холле; более того, я обязуюсь доставлять чистое белье из Прачечной не позднее чем через две недели после того, как я его туда отнес в грязном виде;

● в ходе курения я буду предпринимать все возможные усилия для того, чтобы держать пепельницу, используемую мною в данный момент, на поверхности, которая не является наклонной или провисающей, не имеет углублений и складок, не смещается при малейшей провокации; под такими поверхностями можно подразумевать, в частности, стопки книг, опасным образом балансирующие на краю кресла, ручки кресла (если они у него имеются), а также мои собственные колени;

● я не буду гасить сигареты о корзину для мусора, обитую красной кожей, и не буду бросать в нее пепел; то же самое касается настольной корзинки для мусора, которую моя любящая жена сделала мне на Рождество 1945 года, поскольку такая практика заметно сказывается на красоте, а в конечном счете и на практической применимости указанных вместилищ;

● в случае, если моя жена обратится ко мне с просьбой и данную просьбу нельзя будет рассматривать иначе, нежели как вполне разумную и всецело лежащую в сфере так называемой мужской работы (особенно с учетом того, что жена означенного мужчины беременна), я выполню данную просьбу в течение ближайших трех дней после того, как моя жена представит ее мне; стороны пришли к единому мнению, что моя жена не будет упоминать о данной теме и ограничится лишь выражением благодарности («спасибо»): разумеется, здесь речь идет об означенном трехдневном периоде; если же я не выполню данную просьбу по истечении более значительного промежутка времени, моя жена будет иметь полное право пилить меня, отвлекать меня криками, а также досаждать мне иным образом до тех пор, пока все-таки не побудит меня сделать то, что мне следовало бы сделать раньше;

● исключением из вышеуказанного правила трехдневного максимума является вынос мусора: эту процедуру, как известно даже идиоту, лучше не откладывать на столь длительный срок, а посему я обязуюсь выносить мусор в течение ближайших трех часов после того, как моя жена укажет мне на уже назревшую необходимость избавления от бытовых отходов; однако было бы весьма желательно, если бы я, выявив необходимость в избавлении от бытовых отходов собственными глазами, выполнял данную задачу по собственной же инициативе, тем самым не вынуждая мою жену поднимать тему, которая для нее является несколько вульгарной;

● стороны пришли к единому мнению, что, если я сочту такие обязательства сколько-нибудь неразумными или же утесняющими мою свободу, я предприму шаги, направленные на то, чтобы ответить на них

встречными предложениями, притом представленными легитимным образом и обсуждаемыми в вежливой форме, вместо того чтобы незаконно прерывать выполнение своих обязательств единичным взрывом непристойной брани или чем-то подобным, а затем упорно пренебрегать выполнением означенных обязанностей;

● стороны пришли к единому мнению, что условия данного контракта действуют вплоть до определенного времени после появления на свет нашего ребенка (конкретное время определит врач), когда моя жена снова будет в полной мере обладать всеми своими возможностями и будет способна выполнять более тяжелые задачи, нежели те, круг которых рекомендован ей ныне²⁸.

Вообразите-ка, что вы получили такое письмо, милые жены. (Особенно если вам довелось быть чьей-то женой в 1950-е гг., когда никто не сомневался, что вся домашняя работа лежит исключительно на вас.) По крайней мере вы поняли бы, что муж услышал ваши жалобы. И что он счел их достойными своего внимания. Письмо, в сущности, заверило бы вас, что он достаточно печется об этих жалобах, о вас самих, о вашем браке и о ваших повседневных отношениях друг с другом, чтобы изложить все это на бумаге. И вы бы его благодаря этому просто заобожали, не так ли? Может быть, вы даже простили бы его, когда в следующий раз вам пришлось бы опорожнять его переполненную пепельницу.

~

Давайте задумаемся вот о чем: возможно, каждое из этих посланий (и письмо к клиенту «АВС-Инн», и контракт с брачными обязательствами) немного изменило мир. Вне зависимости от того, удалось ли неумелой официантке вернуться на работу, она явно почувствовала, что ее кто-то защищает. Клиента и директора ресторана призвали проявлять больше сочувствия – и, быть может, они вняли этому призыву. (Меня саму выгнали с моей первой в жизни работы, когда мне было всего шестнадцать лет, и чувствовала я себя ужасно: мне казалось, что я вообще ничего не могу сделать как следует. Моей племяннице, работавшей в ресторане, однажды оставили вместо чаевых салфетку. Клиент вывел на ней печатными буквами: «Пожалуйста, не размножайтесь». Мы с ней очень порадовались бы письму, написанному в нашу защиту.) А Курт и Джейн наверняка избавились от домашних споров, которые, судя по всему, стали поводом для этого контракта.

~

Дело вот в чем. Чтобы писать хорошо (даже если речь идет о самом обычном письме, бумажном или хорошо продуманном электронном), требуется щедро вкладывать в этот процесс ваше время, ваши усилия, ваши размышления. Вас должна достаточно заботить тема, чтобы вы полагали: она стоит вашей энергии. Сравнение возможных плюсов и минусов, издержек и затрат должно показывать: для вас выгоднее сделать это, чем не делать.

~

Иногда тема сама находит вас. Не нужно специально отыскивать предмет, который вас заботит. Нечто происходит прямо у вас на виду, буквально бросается вам в глаза и в конце

---

²⁸ Kurt Vonnegut, *Letters*, ed. Dan Wakefield (New York: Delacorte Press, 2012), 14–16.

концов начинает беспокоить вас так сильно и яростно, что беспокойство становится неотъемлемой частью вашего существа.

Под влиянием сложившихся обстоятельств Курт Воннегут-младший, наконец снова оказавшись на территории, контролируемой войсками союзников, написал домой о том, как был военнопленным. До этого все индианаполиские родные считали его мертвым. Он пропал без вести. И ему требовалось дать им знать о том, что с ним случилось.

От:

рядового Курта Воннегута-младшего
12102964, Армия США

Кому:

Курту Воннегугу
Уильямс-Крик, Индианаполис
Штат Индиана

Мои дорогие!

Оказывается, вам могли и не сообщить, что я отнюдь не «пропал без вести». Допускаю также, что письма, которые я писал из Германии, до вас не дошли. Таким образом, мне много чего предстоит вам объяснить, а именно:

С 19 декабря 1944 года я был военнопленным – нашу дивизию порвал в клочья Гитлер, который на последнем издыхании нанес несколько отчаянных ударов в Люксембурге и Бельгии. Семь фанатично настроенных танковых дивизий ударили по нам и отсекли от остальной части Первой армии Ходжеса²⁹. Другим американским дивизиям на наших флангах удалось отойти, нам же пришлось остаться и вступить в бой. Со штыками на танки не полезешь. Боеприпасы, продукты питания и средства медицины у нас кончились, число погибших превысило число тех, кто еще мог сражаться, – и мы сдались. Насколько я знаю, за эту операцию 106-я дивизия получила благодарность от Президента, какие-то награды от британского генерала Монтгомери, но стоило ли оно того – для меня большой вопрос. Я оказался одним из немногих, кто не был ранен. Спасибо за это Господу.

Так вот, сверхчеловеки³⁰ провели нас маршем миль шестьдесят – никакой еды, никакой воды, никакого сна – до Лимберга, там погрузили в крытый вагон, по шестьдесят человек в каждый – маленький, непрветриваемый и неотапливаемый, – и заперли. Условия были антисанитарные, на полу – свежий коровий навоз. Места на то, чтобы всем лечь, не хватало. В итоге половина людей спала, другая – стояла. На запасном пути в Лимберге мы провели несколько дней, включая Рождество. В канун Рождества британские самолеты с бреющего полета сбросили бомбы на наш ничем не примечательный состав. Человек сто пятьдесят наших погибло. На Рождество нам дали немного воды и медленно повезли через Германию в большой лагерь для военнопленных в Мюльберге, к югу от Берлина. Под Новый год нас выпустили из наших вагонеток. Немцы загнали нас, как стадо, под обжигающий душ – дезинфекция. После десяти дней жажды, голода и холода многие в этом душе умерли от шока. Но я остался в живых.

---

²⁹ Кортни Ходжес (1887–1966) – американский военачальник. 1-я армия принимала активное участие в европейских боях Второй мировой (после высадки союзных войск в Нормандии).

³⁰ В исходном переводе – «супермены».

По Женевской конвенции офицеры и сержанты, попавшие в плен, работать не должны. Я, как вам известно, рядовой. 10 января сто пятьдесят таких малозначительных личностей переправили в трудовой лагерь в Дрездене. Меня назначили старшим – как-никак я говорю по-немецки. С охраной нам не повезло – сплошь садисты и фанатики. Нам отказывали в медицинской помощи, не давали одежды, работать заставляли тяжело и подолгу, наш дневной паек составлял двести пятьдесят граммов черного хлеба и пинту картофельного супа без всяких приправ. Я два месяца пытался как-то улучшить наше положение, но в ответ встречал только ласковые улыбки охранников. В конце концов я сказал им, что их ждет, когда придут русские. Меня слегка поколотили и разжаловали. Битье – это были еще цветочки: один у нас умер от голода, еще двоих расстреляли эсэсовцы за то, что украли какие-то продукты.

14 февраля пришли американцы, за ними налетела британская авиация – совместными усилиями они за сутки уничтожили 250 тысяч человек и до основания разрушили Дрезден, наверное, самый красивый город в мире. Но я остался жив.

После этого нас подрядили вытаскивать трупы из бомбоубежищ – женщины, дети, старики, умершие от бомбовых ударов, сгоревшие или задохнувшиеся в огне. Гражданские проклинали нас и забрасывали камнями, когда мы таскали тела к большим погребальным кострам на улицах города.

Вскоре генерал Паттон захватил Лейпциг, и нас пешком эвакуировали в Алексисдорф, на границе между Саксонией и Чехословакией. Там мы оставались до конца войны. Охранники нас бросили. В радостный день победы русские решили подавить отдельные очаги сопротивления в нашем секторе. Их истребители (П-39) забросали нас бомбами с бреющего полета, четырнадцать человек погибли, но я остался жив.

Мы сколотили бригаду в восемь человек, угнали подводу. Восемь дней мы мародерствовали по Судетам и Саксонии и жили как короли. Русские от американцев без ума. Они подобрали нас в Дрездене. Оттуда нас в фордовских грузовиках, полученных по ленд-лизу, доставили к подразделениям американцев в Галле. А уже потом самолетом переправили в Гавр.

Я пишу эти строчки из клуба Красного Креста, в гаврском лагере для репатриации военнопленных. Тут меня отлично кормят и развлекают. Пароходы до Америки, естественно, набиты битком, поэтому мне придется потерпеть. Надеюсь добраться до дома через месяц. Там мне дадут двадцать один день на восстановление сил в Аттербери³¹, выплатят около шестисот долларов недоплаченного жалования, а потом – внимание! – шестьдесят дней отпуска!

Мне есть что вам рассказать, но все остальное – потом. Почту я здесь получать не могу, так что писать не надо.

29 мая 1945 г.

Ваш

Курт-младший

---

³¹ Аттербери – военный лагерь в штате Индиана. В конце Второй мировой через него прошли более полумиллиона американских солдат и офицеров, вернувшихся с войны.

~

Это письмо впервые было опубликовано посмертно – в 2008 г., в сборнике «Армагеддон в ретроспективе»³²³³. Поразительно в нем то, что оно (для всех читателей воннегутовской прозы это наверняка очевидно) уже содержит некоторые зачатки стиля Курта Воннегута, особенно стиля «Бойни номер пять», а также элементы того жизненного опыта, который влиял на эти тексты, на их автора и на всю его работу – до самого конца его жизни. Этот стиль неотделим от содержания письма.

Письмо служит отличным подтверждением тезиса Курта насчет того, что стиль вырастает из вашей озабоченности темой. Он не усаживался поразмыслить: «Как бы мне описать это покрутивее?» или «Как бы мне написать это так, чтобы произвести впечатление на будущих читателей?».

Ему было двадцать два. Он писал, чтобы избыть глубинную потребность сообщить родным, что с ним случилось. Он писал, чтобы выразить свое изумление и ошеломление тем, что сам-то он уцелел. А еще, возможно, он писал потому, что осознавал себя как одного из очень немногих уникальных свидетелей исторического катаклизма, имеющего колоссальное политическое и культурное значение, как человека, получившего «прямо-таки удивительный» опыт (так он напишет о нем позже).

~

Только неподдельный интерес, а не ваши игры с языком, может стать самым важным и привлекательным элементом вашего стиля³⁴.

~

«Форму определяет функция» – гласит знаменитое изречение архитектора Луиса Салливана.

«Я и в самом деле чувствую, что эволюцию контролирует некий божественный инженер, – скажет Курт Воннегут в сентябре 2005-го во время интервью Джону Стюарту в его “Ежедневном шоу”. – Я не могу отказаться от этой мысли. И этот инженер четко знает, что он (или она) делает, зачем вся эта эволюция и в каком направлении она идет. – Пауза. Стюарт терпеливо ждет продолжения. – Вот почему у нас в мире есть жирафы, и гиппопотамы, и триппер»³⁵.

Может быть, существование эволюционного плана небесного инженера действительно заметно всякому, как шутливо говорит Курт. Но фантастически разнообразные формы жизни, упомянутые им, заставляют нас подивиться присущей этому инженеру интуиции: форма каждого существа великолепно соответствует его функциям и очень помогает ему выживать. Все это вполне согласуется с тем принципом, который Салливан выразил применительно к архитектуре.

Действуйте так же – пишите в соответствии с вашей целью и задачей.

---

³² Здесь и далее «Армагеддон в ретроспективе» цитируется в переводе М. Загота.

³³ Kurt Vonnegut, *Armageddon in Retrospect* (New York: G. P. Putnam's Sons, 2008), 11–13.

³⁴ Vonnegut, *Palm Sunday*, chap. 4.

³⁵ *The Daily Show With Jon Stewart*, season 10, episode 115, “Kurt Vonnegut,” directed by Chuck O’Neil, aired September 13, 2005, on Comedy Central.

~

В старших классах Воннегут работал в школьной газете, а потом – в газете колледжа, где учился. Обе были великолепны – во многом благодаря его усилиям. Эта подготовка явно сказалась на стиле его письма домой, которое мы привели выше. По сути, оно стало своего рода репортажем. Он намеревался стать журналистом, взял с собой пишущую машинку в учебно-тренировочный лагерь. Думаю, в каждом из нас есть что-то, что хочет расти в определенном направлении, что-то заранее предопределенное судьбой. Становясь писательницей, я чувствовала именно это. Юный Курт Воннегут-младший наверняка знал, что переживания, о которых идет речь, будут одним из определяющих событий всей его жизни, будут постоянно преследовать его – вопросом, почему он выжил и уцелел, хотя другим это не удалось, и другими вопросами. Об этом, в частности, свидетельствует то самое письмо.

~

Второй совет Воннегута из эссе «Как писать хорошим стилем» таков: **«Избегайте многословия»**. Я не стану (как и он) «многословно распространяться об этом».

Третья рекомендация: **«Пишите просто»**. Некоторые из наиболее глубоких строчек в мировой литературе, подчеркивает он, наиболее просты:

«“Быть или не быть?” – спрашивает шекспировский Гамлет».

Иллюстрация-комикс, сопровождающая в *The New York Times* это эссе, показывает Шекспира, приставившего палец ко лбу; над головой у него – облачко с мыслями: «Надлежит ли мне воплощать в жизнь свои побуждения или же по-прежнему пребывать в бездействии, а следовательно, прекратить существование?»

«Простота языка, – продолжает Воннегут, – не просто ценится, иногда она священна. Библия открывается словами, которые мог написать смысленный подросток: “В начале сотворил Господь небо и землю”»³⁶.

Широко распространено представление, что тяжелый текст – архаичный, замысловатый или избыточный редкими словами – в каком-то смысле «выше», «умнее» текста, написанного простым и непритязательным языком. Если вы не в состоянии понять написанное – это уж явно нечто необычайное, правда? Воннегут положил в основу нескольких своих романов абсурдность таких предположений.

Некоторые рецензенты презрительно замечали, что язык Воннегута – чересчур простой. Джон Ирвинг, в свою очередь, раскритиковал критиков, написав, что, по мнению последних, «если литературное произведение мучительно изломано и требует жутких усилий для своего прочтения, то оно наверняка являет собой нечто серьезное». А вот «если текст ясен, четок и сюжет в нем течет как вода, то нам следует заподозрить эту вещь в упрощенчестве, в пушиночной легковесности и нехватке серьезности. Но это, конечно, чересчур упрощенная критика, хотя заниматься ею очень легко.

Почему “читабельность” полагают сегодня таким уж недостатком?» Некоторым «даже приятно продирается через текст, чтобы извлечь из него смысл... Но мне чаще бывает приятно, если писатель осознал, какие колоссальные усилия нужны, чтобы сделать текст ясным, и поступил соответственно»³⁷.

---

³⁶ Vonnegut, “How to Write with Style.”

³⁷ Jill Kremenetz, ed., *Happy Birthday, Kurt Vonnegut: A Festschrift for Kurt Vonnegut on His Sixtieth Birthday* (New York, Delacorte Press, 1982), 49.

Воннегут тоже критиковал литкритиков. Как он однажды заметил, их писанина – это какая-то «грызня в стиле рококо»³⁸.

~

Как воздерживаться от многословия? Как «писать просто»? Вот вам четвертый совет Воннегута: **«Имейте смелость вымарывать лишнее».**

Не исключено, что и вы способны создавать сверкающие ожерелья для Клеопатры. Но изящество вашего языка должно быть слугой идей в вашей голове. Общее правило следующее: если фраза, пусть и очень удачная, не представляет тему в новом, интересном свете, вычеркиваем³⁹.

Если вы склонны болтать, украшать текст или увлекаться деталями, один из способов справиться с такими импульсами – поддаться им. Валяйте – бормочите, расцветивайте, сверкайте. Вместо того чтобы в зародыше душить эти тенденции, обуздывая творческий поток и вместе с ним саму возможность отыскать в нем бриллианты, вычеркивайте избыточное уже *после того*, как появится ваш первый черновик, полный отвлечений и красивостей.

~

Вот совет, который я сама дала бы всем, кто пишет (неважно что): отделяйте процесс сочинительства от процесса редактуры. Вначале пишите во всю прыть, без оглядки, не изучая написанное. Потом на какое-то время отложите текст. А уж потом прочтите его свежим взглядом, отредактируйте, внесите правку и т. п. Повторяйте этот процесс еще и еще (в случае надобности – почти до бесконечности), пока вы не будете удовлетворены результатом, то есть пока не сочтете, что перед вами по-настоящему законченная вещь.

Этот метод стал одним из стандартных инструментов преподавателей писательского мастерства. «Свободное письмо» – общепринятое выражение⁴⁰. Его знают даже ученики начальных классов. Но оно подразумевает и наличие письма другого рода, совсем не свободного: ограничивающее и сдерживающее действие редактуры.

~

Много лет назад никто и слыхом не слыхивал о свободном письме. Мы строили схемы предложений. Это была скучноватая, но по-своему увлекательная игра. Таким образом мы изучали структуру языка в ее замечательной геометричности.

Помню, как мне преподавали структуру эссе. Мы шутили, что она должна быть такой: скажите, о чем вы собираетесь сказать, затем скажите это, затем скажите, что вы это сказали. Мне казалось, что эссе тоже что-то вроде геометрической фигуры.

Предложение формируется на основе подлежащего, сказуемого, дополнения. Абзац состоит из предложений: за тезисом следуют предложения, которые разъясняют или развивают

---

³⁸ Kurt Vonnegut, “Fluctuations Between Good and Ill Fortune in Simple Tales (unpublished proposed master’s thesis, University of Chicago, 19 65),” 23, Kurt Vonnegut Papers, Lilly Library, Indiana University, Bloomington, IN.

³⁹ Vonnegut, “How to Write with Style.”

⁴⁰ Все началось с книги «Писать без учителей» – Peter Elbow, *Writing Without Teachers*, Oxford University Press, 1973. Эта простая книга произвела настоящий переворот на факультете английского языка и литературы, где я тогда преподавала. Ее название оказалось созвучно нашим чувствам, возвращенным в 1960-е гг.

его, а завершающее предложение подытоживает или подчеркивает сказанное. Эссе составлено из идущих друг за другом абзацев. Соберите их вместе, и – фанфары! – ваше эссе готово!

~

Преподавая в айовской Писательской мастерской, Курт никогда не говорил об отделении процесса собственно писания от процесса редактирования. Потому что сам он писал не так. Вероятно, он не так учился писать для школьной газеты или для своих учителей в Шортриджской школе.

Отвечая в 1974 г. на вопрос «Не могли бы вы немного рассказать о вашем творческом методе – о том, как вы переписываете страницы по одной?», Воннегут заявил:

Есть те, кто пишет залпом, одним махом, с налету, как ястребы, а есть черепахи, и я – из числа черепах, так уж получилось. То есть вы ползете, кропотливо трудясь над текстом, колотитесь башкой в стенку, пока не прорветесь на вторую страницу, потом – на третью и так далее⁴¹. Масса народу пишет как бог на душу положит. Я вот, например, совершенно не пользуюсь электрической машинкой. До сих пор не могу понять, зачем вообще изобрели эту чертову штуковину. Но у ястребов другой метод, и я им тоже завидую, потому что это наверняка очень воодушевляет: они пишут книгу как придется, это занимает у них, скажем, месяц, они шарахают ее в один прием, а потом снова по ней проходятся – и снова, и снова, и снова. Я так никогда не мог. Я близко подобрался к этому, когда писал «Сирен». «Сирены» – это почти автоматическое письмо. Это не книга черепахи: я просто сел и написал ее⁴².

«Сирены Титана» он написал «с налету» на длинных полосах бумаги – в духе Керуака. Он печатал на них, а потом соединял их скрепками – конец предыдущей полосы с началом следующей. В архиве воннегутовских работ, хранящемся в Университете Индианы, эти черновики лежат свернутыми в рулоны, как древние манускрипты.

---

⁴¹ Термины «ястреб» и «черепаха» разъясняются в главе 35 романа «Времетрасение» (перевод Т. Покидаевой). См. главу 19 книги С. М.

⁴² Joe David Bellamy and John Casey, “Kurt Vonnegut Jr.,” in *Conversations*, 158.

Черновики «Сирен Титана». Фото: Библиотека имени Лилли, Университет штата Индиана, Блумингтон

~

Эссе «Как писать хорошим стилем», конечно, тоже подвергалось редакторской правке. Вот некоторые ее примеры. Пожалуйста, имейте в виду: в квадратных скобках и *курсивом* даются те слова, которые вычеркнул редактор.

Первый пример – из вступления, занимающего пять абзацев⁴³:

[Выстраивая слова в строки, помните –] Самое порочное качество, что вы только можете явить читателю, есть непонимание, что интересно, а что нет. Ведь вы же сами решаете, нравится вам писатель или нет, по тому, что писатель решает вам показать или о чем он заставляет вас задуматься. Разве вы станете читать пустоголового писака только за цветистость его языка? Нет.

Редактор был прав, когда вычеркнул первую фразу Воннегута, не так ли? Повествовательное предложение звучит сильнее. Это обычное свойство повествовательных предложений⁴⁴. Знание о том, что интересно, а что нет, не имеет никакого отношения к «Выстраивая слова...», а «помните» подразумевает «должны помнить», но ведь никому не хочется, чтобы его поучали. В общем, фраза «Выстраивая слова в строки, помните...» не «представляет тему в новом, интересном свете».

~

Во вступлении к своему эссе Воннегут замечает: «Газетные репортеры и писатели-технари обучены составлять тексты так, чтобы не оставлять там ничего от их собственного “я”», однако все остальные писатели «готовы многое поведать читателю о себе».

---

⁴³ Любопытно отметить: приводя в «Вербном воскресень» эти несколько выдержек из данного эссе, Воннегут восстановил всё некогда вычеркнутое редактором.

⁴⁴ Повествовательное предложение – то, которое просто марширует вперед и с помощью подлежащего, сказуемого и дополнения повествует о чем-то или что-то утверждает. Оно свободно от придаточных предложений – оговорок, которые начинаются с «если», «когда», «хотя» и т. п., указывая, что одна часть мысли, высказанной в предложении, зависит от другой.

[Нас как читателей] Эти откровения [завораживают. Они] рассказывают нам, с каким человеком мы проводим время. Невежда наш автор или мудрец, [нормальный он или давно свихнулся,] глуп или умен, честен или лжив, весел или траурно-серьезен...

Редактор убрал сообщение о том, что откровения «завораживают» (а также третье упоминание о «читателях») и предпочел сразу же перейти к делу: «Эти откровения рассказывают нам, с каким человеком...» Также вычеркнуто «нормальный он или давно свихнулся». Слишком уж много всего тут перечислялось, верно? Мысль понятна и так.

~

А вот два предложения, которые редактор выкинул из раздела «Имейте смелость вымарывать лишнее»:

[Если бы преподаватели были единственными, кто требует от современных писателей придерживаться художественного стиля прошлых лет, мы с полным правом могли бы их игнорировать. Но читатели требуют того же самого. Они] хотят, чтобы наши страницы были похожи на страницы, которые они видели раньше.

Вот окончательный вариант:

Читатели хотят, чтобы наши страницы были похожи на страницы, которые они видели раньше.

~

Зачем набираться смелости и вымарывать лишнее? Чтобы текст становился сильнее. Если он не загроможден всякой чепухой, которая только отвлекает, удельная энергия воздействия оставшихся слов выше (конечно, если они точны).

~

Пятый совет Воннегута: **«Говорите собственным голосом».**

Ваш самый естественный стиль письма обязательно будет отражать манеру речи, которую вы усвоили ребенком. Счастлив писатель, который рос в Ирландии: тамошний английский очень приятен и музыкален. Сам я рос в Индианаполисе, где обычная речь звучит словно жестянка, разрезаемая ленточной пилой, а языковой словарь так же богато изукрашен, как разводной ключ.

Все... разновидности речи прекрасны, как прекрасны все разновидности бабочек. Каким бы ни был ваш первый язык, его нужно холить и лелеять всю вашу жизнь. И если он отличается от общепринятого английского, просвечивает, когда вы пишете на «усредненном» английском, результат, как правило, замечательный. Как прекрасная девушка, у которой один глаз голубой, а другой зеленый⁴⁵.

---

⁴⁵ Vonnegut, "How to Write with Style."

~

Вот вам целый спектр разных голосов – в подтверждение тезиса Курта. Все эти фразы служат началом того или иного рассказа. Ни один из этих голосов не похож на воннегутовский. И все они – разные. Да, в чем-то они похожи, но не больше, чем отпечатки пальцев разных людей или снежинки. Не подсматривайте в примечаниях, откуда эти цитаты. Просто прочтите вслух и как следует впитайте в себя эти слова:

Вы бы тогда наверняка с радостью познакомились со мною. Я была дама, умевшая ценить юность. Да-да, всё это счастливое время я отнюдь не походила на некоторых. Оно вовсе не пронеслось близ меня, подобно мимолетной грезе. Вторники и среды были для меня столь же веселы, как и субботние вечера⁴⁶.

Дверь закусочной Генри отворилась. Вошли двое и сели у стойки⁴⁷⁴⁸.

Слепые, они вечно мурлычут чего-то себе под нос, прислушайтесь-ка. Вам живо станет понятно, почему так, коли вам доведется побыть рядом с таким. Вы мигом начнете по-особому смотреть на людей, и вам в первый же раз покажется нежданно-негаданно, что вы снова где-нибудь в церкви, среди толстогрудых дамочек и старых господинчиков, которые все негромко что-то такое гудят горлом, подпевают тому, что там толкует поп⁴⁹.

Ему приснилось, что сотню садов по дороге к приморской деревне вдруг объяло пламя и что все безветренные дневные часы эти языки огня пробивались сквозь цветение⁵⁰.

~

Правда, замечательные фрагменты? Но при этом такие разные, верно?

~

Да, Воннегут порицал свою речь, характерную для уроженца Среднего Запада. Но как насчет хотя бы вот этих его точных и музыкальных фраз, где звучание вторит смыслу и определяется функцией?

...Где обычная речь звучит словно жестянка, разрезаемая ленточной пилой...

Только вот обещаний плотской радости исходило от нее не больше, чем от ломберного столика ее бабушки⁵¹⁵².

Поверхность Земли шевелилась и вздымалась, не зная покоя от плодящейся жизни⁵³⁵⁴.

---

⁴⁶ Grace Paley, "Distance," in *Enormous Changes at the Last Minute* (New York: Farrar, Straus and Giroux, 1985), 13.

⁴⁷ Перевод Е. Калашниковой.

⁴⁸ Ernest Hemingway, "The Killers," in *The Snows of Kilimanjaro and Other Stories* (New York: Charles Scribner's Sons, 1927), 71.

⁴⁹ Toni Cade Bambara, "My Man Bovanne," in *Gorilla, My Love* (New York: Random House, 1972), 3.

⁵⁰ Dylan Thomas, "The Orchards," in *Adventures in the Skin Trade* (Cambridge: New Directions, 1969), 137.

⁵¹ Здесь и далее «Рецидивист» цитируется в переводе Р. Райт-Ковалевой и А. Зверева.

⁵² Kurt Vonnegut, *Jailbird* (New York: Delacorte Press, 1979), chap. 9.

⁵³ Здесь и далее «Сирены Титана» цитируются в переводе М. Ковалевой.

⁵⁴ Kurt Vonnegut, *The Sirens of Titan* (New York: Delacorte Press, 1959), chap. 10.

... Слово «шизофрения». <...> Мне оно виделось и звучало для меня так, будто человек отфыркивается в завихрении мыльных хлопьев⁵⁵⁵⁶.

~

«Я заметил, – продолжает Воннегут в том же эссе, – что читатели, в том числе я сам, больше доверяют моим текстам, если я предстаю в них уроженцем Индианаполиса, то есть самим собой. А какой у меня выбор? Есть вариант, который яростно пропагандируют преподаватели и к которому, я уверен, пытались склонить и вас: писать как утонченный англичанин прошлого или позапрошлого века».

Думаю, сейчас преподаватели уже этого не требуют – в отличие от тех времен, когда учился он сам. Зато они требуют многого другого. Возможно, не менее губительного для души.

~

Смотрите, как остроумно Воннегут вышучивает эти проблемы в «Завтраке для чемпионов»:

– Наверно, это не то слово, – сказала Патти. Она привыкла извиняться за неверное употребление слов. Ее к этому приучили в школе. Многие белые люди в Мидленд-Сити говорили очень неуверенно и потому старались ограничиваться короткими фразами и простыми словами, чтобы поменьше попадать впросак. Двейн, конечно, тоже говорил так. И Патти, конечно, тоже так говорила.

А выходило это потому, что их учительницы английского языка морщились, затыкали уши и ставили им плохие отметки, когда они не умели разговаривать как английские аристократы перед Первой мировой войной. Кроме того, эти учительницы внушали им, что они недостойны писать или разговаривать на своем родном языке, если они не любят и не понимают замысловатые романы, и стихи, и пьесы про давнишних людей из дальних стран вроде «Айвенго».

Чернокожие, однако, никак не желали с этим мириться. Они говорили по-английски как бог на душу положит. Они отказывались читать непонятные книжки, потому что они их не понимали. И вопросы они задавали дерзкие: «С чего это я буду читать всякую такую “Повесть о двух городах”? На фиг мне это надо?»

Патти Кин провалилась по английскому языку в тот семестр, когда ей было положено читать и ценить «Айвенго» – такой роман про людей в железных доспехах и про женщин, которые их любили. И ее перевели в дополнительную группу, где заставили читать «Добрую землю»⁵⁷ – книжку про китайцев⁵⁸.

---

⁵⁵ Здесь и далее «Завтрак для чемпионов» цитируется в переводе Р. Райт-Ковалевой.

⁵⁶ Kurt Vonnegut, *Breakfast of Champions* (New York: Delacorte Press, 1973), chap. 18.

⁵⁷ «Добрая земля» (1931) – роман американской писательницы Пёрл Бак (1892–1973), лауреата Нобелевской премии (1938). Бак много лет прожила в Китае.

⁵⁸ Vonnegut, *Breakfast*, chap. 15.

~

Воннегут не всегда доверял и собственному голосу уроженца Индианы:

Помню, однажды мы разговорились с продюсером Хилли Элкинсом. Он тогда как раз только что купил права на экранизацию «Колыбели для кошки», и я пытался проявить себя как настоящий светский человек. Я отпустил кое-какие любезные светские замечания, но Хилли покачал головой и заявил: «Нет-нет-нет. Нет. Нет. Лучше подражайте Уиллу Роджерсу⁵⁹, а не Гэри Гранту».

Этот разговор имел место в середине 1960-х, как раз когда К. В. преподавал в Айове. Курт поведал нам о нем сразу же, прямо на занятиях. До сих пор помню его покаянный хохот.

У меня сохранились особенно яркие воспоминания об этом, потому что как раз на той неделе меня навестила сестра и я взяла ее с собой на семинар, чтобы она почувствовала его атмосферу, а главное – воочию увидела Воннегута. Но Курта в тот день не было – он ненадолго уехал в Нью-Йорк. Вместо него занятия вел Ричард Йейтс⁶⁰. (Вот это замена!)

В это время Воннегут наконец начал добиваться успеха. Перед ним внезапно стали повсюду распахиваться двери – взять хотя бы эту продажу прав на экранизацию «Колыбели для кошки». Он начинал обретать нужный баланс.

«Я то терял, то снова обретал равновесие, а это основной элемент сюжета всякой популярной прозы. Ведь и я сам – прозаическое произведение», – предваряет он эту историю в предисловии к одной из своих книг⁶¹.

~

«Теперь я понимаю, что все эти антикварные этюды и рассказы, на которые я должен был ориентироваться, были великолепны не своей ветхостью и экзотикой заграничности. Просто в них текст передавал именно то, что автор хотел сказать», – объясняет Курт в своем совете номер шесть – **«Говорите то, что хотите сказать»**.

И далее:

Мои учителя пытались научить меня писать точно, всегда подбирать самые действенные слова и связывать их друг с другом жестко, прочно, как детали механизма. Мои учителя не желали превратить меня в англичанина. Они надеялись, что я буду понятен – а следовательно, понят.

<...> Если я нарушу все правила пунктуации, назначу словам новые значения по своей прихоти и нанижу их вперемешку, я просто не буду понят.

Поэтому Воннегут советует и другим избегать такого – «если вам, конечно, есть что сказать и вы желаете быть понятыми»⁶².

---

⁵⁹ Уилл Роджерс (1879–1935) – американский комический актер.

⁶⁰ Ричард Йейтс (1926–1992) – американский романист. При жизни не пользовался большой популярностью у читателей, хотя его произведения очень хвалили многие критики и коллеги (в том числе Воннегут).

⁶¹ Kurt Vonnegut, preface to *Wampeters, Foma & Granfalloon* (New York: Delacorte Press, 1974).

⁶² Vonnegut, “How to Write with Style.”

~

Рабо Карабекьян, художник из «Завтрака для чемпионов», пишущий в жанре абстрактного экспрессионизма, продает одну из своих работ Центру искусств Мидленд-Сити. Ширина картины – двадцать футов, высота – шестнадцать. Фон загрунтован «зеленой масляной краской», купленной в обычном хозяйственном магазине. «Вертикальная полоса представляла собой наклейку из оранжевой флуоресцентной ленты».

«Просто стыдно сказать, сколько стоила эта картина». (Пятьдесят тысяч долларов.) «Весь Мидленд-Сити был возмущен».

В коктейль-баре при гостинице, где остановились многие из «почетных гостей фестиваля искусств», Рабо Карабекьян просит Бонни Мак-Магон, мидлендскую официантку, рассказать ему что-нибудь о юной королеве фестиваля искусств, чье изображение («в белом купальном костюме, с олимпийской золотой медалью на шее») украшает собой обложку программы.

Это была единственная мировая знаменитость во всем Мидленд-Сити – Мэри-Элис Миллер, чемпионка мира среди женщин по плаванию брассом на двести метров. Ей всего пятнадцать лет, объяснила Бонни.

<...> Отец Мэри-Элис, один из инспекторов в Шепердстауне, стал учить Мэри-Элис плавать, когда ей было всего восемь месяцев, и... заставлял ее плавать не меньше четырех часов с того дня, как ей исполнилось три года.

Рабо Карабекьян подумал и вдруг сказал нарочито громким голосом, чтобы все его слышали:

– Что же это за человек, который собственную дочку превращает в подвесной мотор?

<...> И Бонни Мак-Магон взорвалась. <...>

– Ах, так? – сказала она. – Ах, так?

<...>

– Значит, вы плохого мнения о Мэри-Элис Миллер? – сказала Бонни. – А вот мы плохого мнения о вашей картине. Пятилетние дети и то лучше рисуют – сама видела⁶³.

~

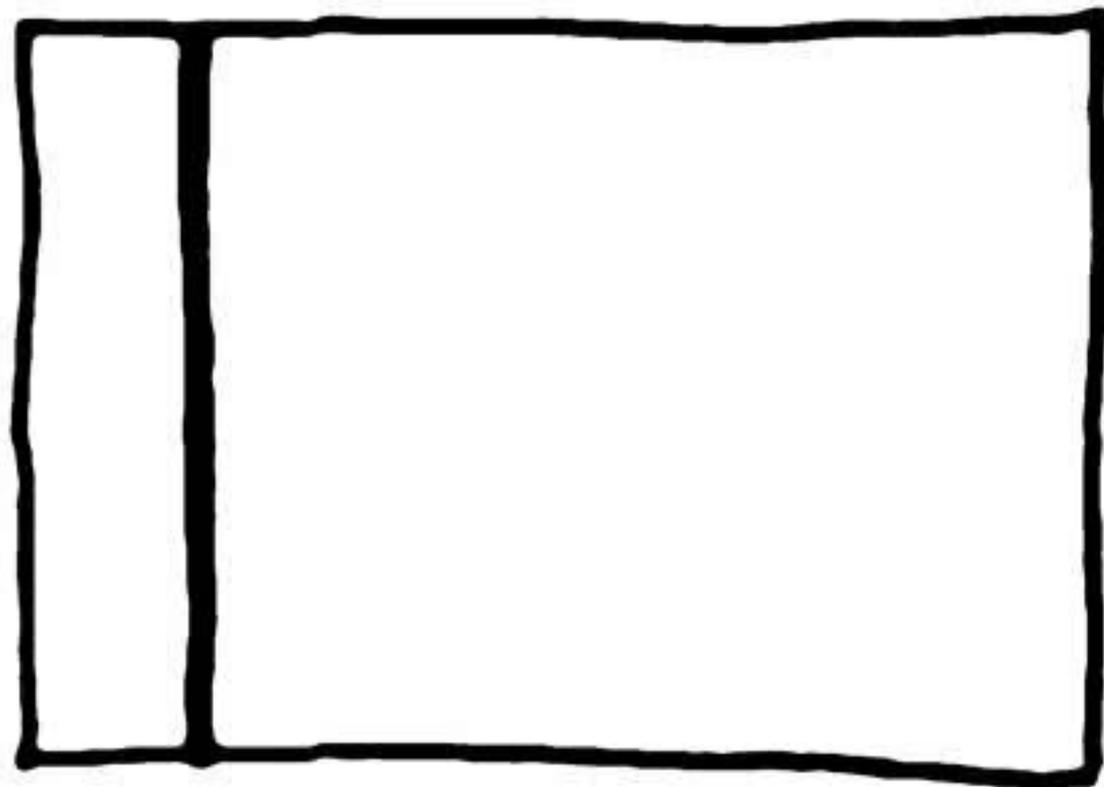
Если вы не имели удовольствия читать «Завтрак для чемпионов», я не стану раскрывать вам то, что повествователь именуется психологической развязкой этой книги, и не буду приводить тот спич, который его персонаж Карабекьян обращает к посетителям бара, объясняя, что нарисовал. Но он, поверьте, объясняет, притом весьма красноречиво.

В начале одной из следующих глав сообщается:

Речь Карабекьяна была принята с энтузиазмом. Теперь все согласились, что Мидленд-Сити владеет одним из величайших полотен в мире.

---

⁶³ Vonnegut, *Breakfast*, chap. 19.

Картина Рабо Карабекьяна (та самая, с вертикальной полосой)

– Вы давно должны были нам объяснить, – сказала Бонни Мак-Магон. – Теперь я все поняла.

– А я-то думал, чего там объяснять, – сказал с изумлением Карло Маритимо, жулик-строитель. – Оказалось, что надо, ей-богу!

Эйб Коэн, ювелир, сказал Карабекьяну:

– Если бы художники побольше объясняли, так люди побольше любили бы искусство. Вы меня поняли?⁶⁴

~

Как-то раз один интервьюер поинтересовался у Эрнеста Хемингуэя, много ли он занимается переписыванием и отделкой своих текстов. Тот ответил, что бывает по-разному: «Вот, например, “Прощай, оружие!” Я переписывал финал, последнюю страницу этой вещи, тридцать девять раз, прежде чем наконец удовлетворился тем, что у меня получилось».

«Что же вам так мешало?» – осведомился журналист.

«Необходимость подобрать правильные слова»⁶⁵.

~

Воннегут открывает то, что он хочет сказать, в процессе писания:

Те послания, которые выходят из пишущей машинки, – поначалу очень примитивные и дурацкие, они вводят в заблуждение, но я знаю, что, если

---

⁶⁴ Vonnegut, *Breakfast*, chap. 20–21.

⁶⁵ Ernest Hemingway, “The Art of Fiction No. 21,” interview by George Plimpton, *Paris Review*, no. 18 (Spring 1958).

просидеть достаточно времени за машинкой, самая разумная часть меня в конце концов даст о себе знать и я сумею расшифровать, о чем же она пытается сказать⁶⁶.

Один из ранних черновиков (возможно, вообще самый первый, поскольку он весь исчеркан и изрисован, к тому же не окончен) «Гаррисона Бержерона», одного из воннегутовских рассказов, принадлежащих к числу его любимых, начинается примерно так:

Был 2081 год н. э.

Апрель, разумеется, оставался самым суровым месяцем из всех. Сырость, мрачность и страх, что весна никогда не придет, – все это обуздывалось в маленьком домике лишь свечением телеэкрана. Эти три всадника уныния, казалось, готовы растоптать Джорджа и Хейзел Бержерон в тот миг, когда телевизионная картинка умрет.

– Танец был ничего, неплохой, – сказала Хейзел.

Даже если закрыть глаза на неуклюжую метафору со «всадниками» – о каком, собственно, танце говорит Хейзел? Воннегут карандашом вписал кое-какие добавления, которые дают ответ на этот вопрос (ниже они выделены курсивом). Исправленные предложения выглядят так:

Эти три всадника уныния, казалось, готовы растоптать Джорджа и Хейзел Бержерон в тот миг, когда телевизионная картинка умрет. *На экране были балерины.*

– Танец был ничего, *неплохо у них получилось*, – сказала Хейзел⁶⁷.

Теперь мы точно знаем, что Джордж и Хейзел смотрели по телевизору танец, когда они его смотрели и что это был за танец.

В опубликованном варианте рассказа необъяснимого упоминания о «всадниках» нет. Объяснение слегка поправлено, однако никуда не делось. Первый абзац очень серьезно переработан. Теперь он великолепен:

Был год 2081-й, и в мире наконец воцарилось абсолютное равенство. Люди стали равны не только перед Богом и законом, но и во всех остальных возможных смыслах. Никто не был умнее остальных, никто не был красивее, сильнее или быстрее прочих. Такое равенство стало возможным благодаря 211, 212 и 213-й поправкам к Конституции, а также неусыпной бдительности агентов Генерального уравнивателя США⁶⁸⁶⁹.

~

Воннегут правил без усталости, потому что прекрасно отдавал себе отчет в том, какие умения и навыки необходимы его аудитории, и потому что сочувствовал читателям – которым

придется опознать тысячи маленьких значков на бумаге и немедленно извлечь из них смысл. Им предстоит читать, а это искусство столь сложное,

---

⁶⁶ Frank McLaughlin, "An Interview with Kurt Vonnegut, Jr.," in *Conversations*, 73.

⁶⁷ Kurt Vonnegut, "Harrison Bergeron" (unpublished manuscript, ca. 1961), Kurt Vonnegut Papers, Lilly Library, Indiana University, Bloomington, IN.

⁶⁸ Здесь и далее рассказ «Гаррисон Бержерон» цитируется в переводе Е. Романовой.

⁶⁹ Kurt Vonnegut, "Harrison Bergeron," in *Welcome to the Monkey House* (New York: Delacorte Press, 1968).

что большинство людей не в состоянии его полностью освоить на протяжении средней и старшей школы – двенадцати долгих лет.

(Мы цитируем всё то же эссе.)

Отсюда – седьмое правило Воннегута: **«Пожалейте читателей»:**

Аудитория вынуждает нас быть внимательными и терпеливыми учителями, всегда готовыми упрощать и разъяснять⁷⁰.

Эти «значки на бумаге» – символы. Сами по себе они не представляют тот опыт, который описывают. Они отображают звук, комбинации звуков. Они требуют расшифровки. Это нотная запись безмолвной музыки чтения.

~

Вообще-то человечество не так уж давно читает. Первый алфавит появился около 2000 г. до н. э.⁷¹ Три тысячи лет спустя, около 1100 г., китайский изобретатель Би Шэн впервые в истории применил для печатания подвижный шрифт, однако широкое распространение эта технология получила лишь спустя несколько веков. Примерно через три с половиной столетия после Би Шэна, в 1450 г., Иоганн Гутенберг изобрел печатный станок. Получается, что от создания алфавита до разработки механизма для его применения прошло в общей сложности свыше трех тысяч лет – и еще около четырех веков, прежде чем станок Гутенберга стали широко применять, в результате чего в повседневный обиход обычных людей стало входить чтение, а в обиход общества – распространение печатного слова.

У некоторых людей мозг не очень хорошо умеет расшифровывать буквы, расположенные на бумаге. Это дислексия – «дефект способности к обучению, связанный с чтением». Она имеет неврологическую природу, часто носит генетический характер и никак не связана с уровнем интеллекта или эффективностью обучения. Она может вызывать затруднения, мешающие принужденному чтению про себя и/или вслух, пониманию прочитанного, расширению словаря. Порой именно ею объясняется «творческое» написание некоторыми людьми тех или иных слов. Она может порождать неуверенность в себе, чувство незащищенности. По оценкам ряда специалистов, около 15 % американцев – дислексики⁷²

---

⁷⁰ Vonnegut, “How to Write with Style.”

⁷¹ Ученые до сих пор ведут бурные споры о происхождении алфавита. Тут многое зависит от того, какое мы ему даем определение. Что это – первые значки, отображающие звуки (изобретенные финикийцами), или знаки древних семитов, отображающие лишь согласные, или более детальная древнегреческая азбука, учитывающая и гласные, и согласные (само слово «алфавит» как раз происходит от названий двух ее первых букв – «альфы» и «беты»)?

⁷² Annie Murphey Paul, “Your Brain on Fiction,” *The New York Times*, March 17, 2012.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.